

Л.Н.ТОЛСТОЙ В БОРЬБЕ С ЦЕНЗУРОЙ

Жирков Г.В. *Л.Н.Толстой и цензура: монография.*
Санкт-Петербург, 2009. 320 с.

Цензурные преследования произведений Л.Н. Толстого становились объектом исследования в монографиях и статьях В.К. Лебедева, К.Е. Нетужилова, С.А. Переселенкова и др. ученых. Авторы работ сосредоточивали внимание на конкретных проявлениях цензурных гонений, фактах произвола властей предрержащих по отношению к литературному и публицистическому творчеству Толстого. В монографии доктора филологических наук, профессора Г.В. Жиркова «Л.Н. Толстой и цензура» впервые обстоятельно и системно рассмотрены, во-первых, политика самодержавия и православной церкви в связи с творчеством и общественной деятельностью великого писателя, во-вторых, формы и методы противостояния Толстого действиям властей предрержащих, его выступления в защиту свободного слова. Этот обширный замысел реализован на основании глубокого изучения автором архивных, мемуарных, эпистолярных и других источников. Высказанные в результате проделанной работы суждения Г.В. Жиркова по поводу заявленной проблемы отличаются последовательностью, аргументированностью и новаторским подходом.

Монография Г.В. Жиркова четко структурирована. Изложение материала ведется в хронологической и логической последовательности в связи с летописью жизни и творчества Толстого, событиями общественно-политической жизни страны, состоянием цензурной политики правительства. При этом в орбиту внимания автора попадают факты и лица, в большей или меньшей степени связанные с деятельностью Толстого, и тем самым достигаются масштабность исследования, магистральный характер решения поставленной проблемы. Автор анализирует творчество Толстого, выявляет его философию и идеологию – те несущие конструкции, которые обеспечивали цельность, весомость и притягательность слова писателя и публициста, вызывали ненависть врагов свободомыслия.

В первой главе реферируемой монографии «Первые столкновения с цензурой: 1850–1860 годы» исследуется литературная, публицистическая и общественная деятельность Толстого, которая нашла отражение в разработке им теории свободного воспитания и ее реализации в Яснополянской школе, издании педагогического журнала, в литературном дебюте – повестях «Детство и Отрочество», «Военные рассказы». В эту пору цензура становится сдерживающим или препятствующим началом литературной и общественной деятельности Толстого. Военные рассказы писателя, исполненные «трезвой и глубокой правды» (Н. Некрасов), педагогические статьи и «Книжки Ясной поляны», ставившие целью быть понятными «чтецу из народа» (Л. Толстой), вызвали недовольство надзирающих органов. Цензоры усмотрели в педагогических статьях стремление «ниспровергнуть всю систему общественного образования», а военный министр заявил, что в севастопольских очерках все «резко и ядовито, беспощадно и безотрадно». Произведения Толстого, получившие высокую оценку демократической прессы и читателей, увидели свет урезанные цензурой.

Во второй главе «Осознание трагедии народа: поиск смысла жизни» Г.В. Жирков не только приводит факты цензурных гонений произведений Толстого, но и анализирует его раннюю публицистику, определяет ее обще-

ственное значение. Ученый отмечает стремление Толстого к социальному пересмотру собственного образа жизни, включая и творчество, что «стало прелюдией в осознании Толстым паразитического существования элиты, к которой он принадлежал, неправды ее жизни» (с. 40). Будучи автором мировых шедевров литературы «Война и мир», «Анна Каренина», он приходит к «полному отрицанию прожитого и содеянного», активно включается в обсуждение самых насущных общественных проблем. Г.В. Жирков рассматривает «Исповедь» Толстого в свете решения автором вопроса о смысле жизни и находит ответ в словах писателя: «Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом». Публикация «Исповеди» вызвала замечания духовной цензуры. Статья вышла в свет со значительными купюрами, а министерство внутренних дел, как свидетельствуют приведенные в главе документы, учинило за автором «негласное наблюдение». Написанный вслед за «Исповедью» трактат «В чем моя вера?», распространявшийся в рукописях, еще до появления в печати был осужден обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым, ставшим непримиримым противником взглядов писателя.

Глава третья «Сказать всю правду и только правду...» посвящена анализу публикаций Толстого в газете «Русские ведомости» и журналах 1880–1890-х годов. Осуществить в полной мере свою задачу, приведенную в названии данной главы, Толстому не удалось из-за противодействия цензуры. В периодической печати Толстой пишет о церкви, воинской общей повинности, голоде – о том, что, по его словам, «менее цензурно», то либо запрещалось, либо выходило в свет в изуродованном цензурой виде. Это заставляло писателя, по словам Г.В. Жиркова, разрабатывать систему распространения своих трудов: «русская печать, иностранная пресса, зарубежная русская журналистика» (с. 80). Немаловажную роль играли добровольные переписчики произведений Толстого в разных концах страны. Как свидетельствует автор монографии, публицистическое слово и реальное дело Толстого находились в неразрывной связи: писатель конкретно руководил помощью голодающим и утверждал, что голод открыл «хорошо спрятанную вину» элитарной части общества «перед рабочим народом», призывал состоятельных людей отказаться от своих «выгод и преимуществ», «встать в равные условия с народом». Цензурные препятствия на пути общения Толстого с читателями побуждали писателя выработать новую тактику противодействия.

Новые методы борьбы Толстого с цензурой рассмотрены в четвертой главе монографии «“Посредник“ и единый фронт цензуры». Созданное Толстым и его соратниками издательство «Посредник» при материальной поддержке известного издателя народной литературы И.Д. Сытина, стало активным пропагандистом творчества писателя. Чтобы избежать возможного запрета на публикацию произведений Толстого в сборниках «Посредника», редакция представляла их на предварительную цензуру либо без подписи автора, либо направляла на просмотр в киевский или варшавский цензурные комитеты, иногда от имени других учреждений. В главе цитируются многочисленные документы, свидетельствующие о противодействии цензурного ведомства публикации народных рассказов Толстого, в которых проповедуется ненужность молитв, пренебрежение к приобретению состояния, всеобъемлющая любовь. По словам Г.В. Жиркова, «публицистика и эссеистика Толстого зазвучали в обществе как Голос совести».

Глава пятая «Антитолстовская кампания в журналистике как фактор цензурного режима» дает представление о размахе и методах противостояния властных структур идеям великого писателя. Существенную роль в этом играла церковная и консервативная печать. Принятый Св. Синодом в 1901 г. акт об отпадении Толстого от Русской православной церкви стал детонатором антитолстовской кампании в журналистике. В главе содержится подробный обзор печатных выступлений, в которых Толстой представлен как «враг церкви, враг всякого правительства и всякого гражданского порядка». Портретная характеристика цензоров, данная в главе, не позволяет думать, что все они были людьми ограниченными и недалекими. Такой подход снижает остроту идеологической борьбы. Понимая взрывоопасный смысл учения Толстого, они ревностно исполняли свой долг, хотя и признавали тщетность прилагаемых усилий: Толстой «поднял печатное слово на высоту, не достигаемую для преследования». В защиту Толстого звучал голос зарубежных писателей, его поддерживали друзья, соратники, читатели всей страны.

Шестая глава «Свободное публицистическое слово Толстого» посвящена анализу новаторской системы распространения идей писателя, включавшей переводы и издание его произведений в зарубежной прессе, выход собрания сочинений, постоянное общение с читателями и почитателями его таланта в Ясной Поляне, ставшей «центром притяжения интеллектуальных сил не только России, но и всего мира» (с. 187). Особое место в этой системе занимает «Посредник», выход которого был осуществлен за границей, и зарубежное издательство «Свободное слово», деятельность которых получила освещение в трудах Ш.М. Левина, С.И. Позойского, в не учтенных автором монографии публикациях С.Н. Гладышевой. На основе анализа архивных и эпистолярных материалов Г.В. Жирков показывает участие в работе зарубежных центров В.Г. Черткова, М.К. Элпидина и других русских и иностранных друзей писателя, находившихся в постоянном общении с ним.

Заключительная седьмая глава монографии «Нравственная публицистика Толстого» дает обобщенное представление о социальной программе писателя, его публицистике антимилитаристского характера, в защиту истинного христианства, равенства и свободы всех людей, против права земельной собственности, телесных наказаний, полицейского сыска, смертных казней. Среди этих выступлений статья «Не могу молчать!», которую Г.В. Жирков характеризует как «публицистическое завещание Толстого обществу» (с. 248) Толстой призывает «палачей всякого разряда» одуматься. Он заявляет: было бы лучше всего, если бы «надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю». Этот эмоциональный порыв Толстого исполнен в традициях великих писателей России, близко к сердцу принимавших страдания народа. На одном из листов пушкинских рукописей изображена виселица с одинокой фигурой повешенного («Если я буду повешен...»). Чехов писал в дороге на каторжный остров Сахалин: не могу примирить «мое чувство со смертной казнью». В заключение Г.В. Жирков приводит высказывания зарубежных и отечественных деятелей культуры, которые называют Толстого «гражданином мира», «нашей совестью».

Монография Г.В. Жиркова «Л.Н.Толстой и цензура» вместе с известной его книгой «История цензуры в России XIX–XX вв.» (М., 2001) вносит весомый вклад в изучение условий существования отечественной литературы и журналистики.

А.И. Станько